

16+

Мария Захарова

Счастье в огне

Мария Захарова

Счастье в огне

«Автор»

2018

Захарова М.

Счастье в огне / М. Захарова — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11384-8

В огне Великой Отечественной войны горят города и села, жизни и судьбы людей. Не избегает этой участи и Сталинград вместе с его жителями. Мальчишки и девчонки, вчерашние школьники, оказавшись в пекле войны, в одночасье становятся взрослыми и занимают свои места на заводах, в госпиталях, в окопах. Чувства одних сгорают в этом безумном пожаре, сердца других закаляются и становятся неуязвимыми, в душах третьих вспыхивает другой огонь, имя которому — любовь. Именно он дает веру, вселяет надежду, помогает выжить и встретить мирный рассвет, полыхающий яркими красками счастья.

ISBN 978-5-532-11384-8

© Захарова М., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть I	5
1	5
2	7
3	9
4	13
5	17
6	21
7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мария Захарова

Счастье в огне

Часть I

1

Варвару разбудил шум далекой канонады, ставший вроде бы уже привычным за последние две недели, но каждый раз новым, и потому тревожным. А главное, он вызывал ощущение чего-то страшного, не совсем еще понятного и от того еще более жуткого. Она бросила взгляд в окно. Светало. Варя повернулась на другой бок, закрыла глаза. Но спать расхотелось. Она еще немного полежала, становилось уже жарко, хотя в открытое окно все еще тянуло ночной прохладой. Девушка потянулась, с удовольствием ощущая гибкость молодого, сильного тела, и рывком встала с кровати, босиком прошлёпала к окошку и отдернула занавеску. Небо было еще темным, но уже с каким-то дымчато-малиновым оттенком. Ночью шел дождь, и теперь воздух пах свежей зеленью и мокрой землей и еще чем-то, до боли знакомым.

Встала мама. Варя слышала, как она возилась за стенкой, потом осторожно, чтобы не разбудить детей прошла на кухню. Девушка представила стройную фигуру матери, склонившуюся над плитой, и почти реально ощутила запах пирогов и парного молока. Мама всегда пахла как-то уютно – пирогами, мылом, свежей сеной трухой – в общем, всем тем, что ассоциировалось со словом Дом.

Тем временем небо еще посветлело. Прямо под окном тихонько шелестел куст сирени. Тугие гроздья его цветов уже различались в порозовевшем утреннем свете. Вдруг куст зашевелился, раздвинулся, и из его ветвей показалась взъерошенная голова. Варвара отпрянула от окна, схватила платок и накинула себе на плечи, а потом тихонечко засмеялась – Костик.

Это и вправду был ее сосед по дому и по парте, неизменный спутник ее детских игр, сорвиголова Костик. В последнее время Варвара стала обращать внимание на то, что он как-то странно на нее смотрит. А впрочем, может он и раньше так смотрел, только она не замечала. По крайней мере, ее девичье сознание, заполненное предстоящими экзаменами, первыми «женскими» секретами, и другими крайне важными делами, долго на этой мысли не останавливалось. Вот и сейчас она стояла и улыбалась Костику через окошко, даже не задумываясь, что утренние лучи ясно очерчивают ее молодое, крепкое тело, скрытое только ночной рубашкой.

Зато Костик думал как раз об этом. Вернее, не думал, а просто как-то чувствовал, и от этого ему стало трудно дышать, а в горле встал какой-то непонятный тугой ком. Он даже не сразу понял, что Варя его о чем-то спрашивает. А Варя спрашивала о том, что он делает под ее окном в такой час.

– Ну же, Костик, ты что, примерз? – ее голос наконец дошел до его сознания. Он прислушался к своим ощущениям и понял, что действительно слегка «примерз» – утренний воздух был довольно свежим, а сиреневый куст после ночного дождя – мокрым. Это помогло сосредоточиться на том, что говорила Варя.

– Я... вообще-то... на рыбалку. После дождя хорошо должно клевать.

Варя не замечала его сбивчивого тона.

– Рыбалка в нашем палисаднике? Это что-то новое. Первый раз слышу, чтобы рыбу под кустами ловили.

И она опять тихонько засмеялась. Её смех зазвенел колокольчиком в ушах Костика и разогнал все мысли, которые он только что с таким трудом собрал в кучку.

– Ну, что же ты молчишь?

А Костик не знал, что сказать, как объяснить Варваре, что вот уже несколько месяцев становится сам не свой, как только ее видит, как не знал того, откуда вдруг взялось это необъяснимое чувство, что земля уходит из-под ног от одного Вариного взгляда, от ее прикосновения. А Варя, росшая в соседнем дворе и являвшаяся неизменной участницей совместных игр, с прикосновениями не стеснялась. Она вполне могла в шутку толкнуть его в спину в школьном коридоре или прыгнуть прямо в его объятия с нижней ветки дерева, на которое они перед этим вместе залезли, чтобы посмотреть на брошенное гнездо. Сегодня он встал затемно – в сарае его ждали заботливо приготовленные с вечера удочки – и отправился на речку с серьезными намерениями обеспечить семейный обед жареной рыбой. Проходя мимо соседского дома, он не мог удержаться от того, чтобы не посмотреть на Варино окно, но он совершенно не понимал, что заставило его поставить удочки у забора и одним махом перескочить через него, приземлившись прямо на любовно разбитую Вариной мамой клумбу. Догадавшись, что цветочной рассаде скорее всего пришел конец, он быстро соскочил с клумбы и оказался под сиреневым кустом. И тут окошко открылось и в нем, как в раме, оказался Варин силуэт. Костик смотрел на нее, боясь даже вздохнуть, чтобы не спугнуть это казавшееся нереальным сказочное мгновение. А потом Варя подняла руки, потянулась, и Костик инстинктивно потянулся за ней, самым неожиданным образом вынырнув из куста и напугав девушку.

В это время снова послышался звук, разбудивший Варю. Он напоминал шум отдаленной грозы. Но оба молодых человека, стоявшие теплым июньским утром 1942 года в доме на окраине Сталинграда, понимали, что гроза идет не в природе, и она неумолимо приближается...

2

А утро уже вступало в свои права. Горизонт становился розовым и постепенно светлел. Костик наконец вспомнил об оставленных на улице удочках и цели своей ночной вылазки. Он посмотрел на нежное Варино личико, уже отчетливо различимое в первых солнечных лучах, улыбнулся его трогательной невинности и выпалили на одном дыхании:

– Махнем на речку?

Варя на мгновение задумалась – до того, как мать уйдет на работу, времени еще было предостаточно:

– А что, махнем. Ты подожди меня, я оденусь – и, уже отойдя от окна, – я быстро.

Костик, обрадованный неожиданной удачей, переполняемый удовольствием от предвкушения целого утра, проведенного с Варей, аккуратно обошел довольно помятую им клумбу и перекинул свое сильное тело через забор. Буквально через несколько минут хлопнула калитка. Варвара стояла на тропинке, и ее белое платье и косынка на голове как будто светились в рассветных лучах.

Костик подхватил удочки, и ребята вприпрыжку помчались по уходившей вниз улице. Скоро дома закончились, и дорога пошла через луг. Мокрая трава хлестала по ногам, и Варя разулась, почувствовав, как листья одуванчиков приятно щекочут ноги. От реки поднимался туман, и Костик нырнул в него, на мгновение исчезнув из вида, но уже через минуту протягивал своей спутнице руку, помогая спуститься по крутой тропинке, сбегавшей к самой воде.

Выросшие на Волге, Варя и Костик знали ее берег как свои пять пальцев и уже давно облюбовали для себя место под деревом, чей ствол, согнутый когда-то грозой, нависал прямо над водой. К этому дереву шли они и сейчас. Костик стал налаживать наживку, а Варя усе-лась на заботливо расстеленный им пиджак, поджав под себя ноги. Почти совсем рассвело, все вокруг дышало таким покоем, что совсем не верилось, что где-то, совсем уже рядом, идет война.

Некоторое время ребята молчали, наслаждаясь первыми теплыми лучами солнца, уже встававшего над горизонтом. Потом Варя поднялась, подошла к Костику, положила руки ему на плечи, которые сразу как-то напряглись.

– Через два дня последний экзамен...

– Да, уже...

– А потом?

– Что потом?

– Ну что будет с нами потом?

– Ну, наверное, будем жить.

– Наверное... Вот только как жить?

– Ну, кто как.

– А ты? Ты уже что-нибудь решил?

– Да, решил. Единственное, что я сейчас могу и должен сделать – пойти на фронт.

Варя замерла, прижалась лбом к его спине.

– Тебя не возьмут.

– Возьмут... Добровольцем... Или... Неважно, не возьмут – просто убегу.

И вдруг рывком развернулся, обхватил Варины плечи сильными руками и впился в ее губы жестким поцелуем. Девушка, не ожидавшая ничего подобного, опешила, и это дало Костику те мгновения, за которые он успел полностью завладеть ее ртом. Теперь губы его стали мягкими, поцелуй – нежным, и Варя, опьяненная новыми, ни на что не похожими ощущениями, неожиданно обняла его. Костик опустил на колени, увлекая девушку за собой. Одна его

рука поднялась к шее, запуталась в волосах, освобожденных упавшей косынкой, другая переместилась вперед и легла на тугую девичью грудь. Варино дыхание на мгновение прервалось.

Но вот опять послышался далекий гул, не услышанный на этот раз людьми, но не оставленный без внимания животными. С дерева сорвалась птица, взворохнув листву и, обдав ребят не успевшей еще испариться дождевой влагой. Упавшие на лицо капли в один миг отрезвили Варю. Она вскочила, одним движением оттолкнув Костика. Грудь ее тяжело вздымалась под тонким платьем, дыхание все еще сбивалось, но ум уже лихорадочно заработал. Варя искала и не могла найти ни объяснения, ни оправдания тому, что только что произошло, или могло произойти. Костик тоже молчал. Вдруг в Вариных глазах мелькнуло что-то, похожее на гнев, и тут же она развернулась и бросилась бежать. Она, как сквозь туман, слышала голос Костика, звавшего ее, но бежала и бежала, напрямую, через луг, не разбирая тропинки и не ища ее. Когда перед глазами встали первые дома, Варя взяла чуть влево, вдоль огородов и выскочила на задворки. Здесь, в зарослях ивняка стояла старая, заржавевшая сенокосилка и Варя опустилась возле нее на землю, прижавшись раскрасневшимся лицом к ее прохладным зубьям.

Теперь мысли ее крутились с бешеной скоростью, сменяли одна другую и никак не могли остановиться.

– Что это было? Он что, решил воспользоваться мной? Или нет. Это получилось случайно. Потому что утро, и птицы, и река... Или он все-таки знал? Знал – что? Что вот уже несколько месяцев во всем ее молодом девичьем теле чувствуется какое-то странное волнение, а в голове бродят неясные мысли... Нет, не мог он ничего такого знать. Он – мальчишка. Друг. Или даже больше, чем друг. А что значит больше? Больше – это значит, что, ну... почти как брат. Вот именно, брат. А я? Ну как я могла это делать? Хотя ЭТО было так... необычно... и ни на что не похоже... и... приятно. Ну и что теперь с ЭТИМ делать? С чем, с ЭТИМ? И что вообще ЭТО такое?

Варя повернулась, прислонилась к косилке спиной и подтянула под себя ноги. Перед ее мысленным взором встал Костик – товарищ ее детских игр, верный друг и заступник, а теперь... тут мысли ее натыкались на непреодолимую стену и девушка никак не могла представить Костика в какой-то другой роли.

Она не знала, сколько так просидела, когда вдруг почувствовала, что щеки припекает уже полностью взошедшее солнце. Варвара вскочила на ноги: маме на работу, а Митька один. Она со всех ног припустила к дому. Слегка запыхавшись, белым мотыльком впорхнула в калитку, одним прыжком взлетела на крыльцо и распахнула дверь.

3

Мать кормила завтраком Митьку – круглолицего, белобрысого мальчугана, совершенно неожиданно появившегося в их семье три года назад.

Варя как сейчас помнила как-то глупо, по-мальчишески улыбающегося отца и лучившиеся внутренним светом глаза матери, когда те пригласили тринадцатилетнюю Варю «для серьезного разговора», в ходе которого выяснилось, что скоро их станет уже не трое, а четверо. На Варю тогда нашло какое-то странно оцепенение, и на протяжении следующих нескольких месяцев она старательно не замечала хлопотавшего вокруг жены отца и мамино живота, увеличивающегося с каждым днем. Каждый раз, когда она думала о том, что принесет с собой рождение ребенка, ей становилось не по себе. До сих пор она сама полностью владела любовью и вниманием родителей и теперь панически боялась всего этого лишиться. Она замкнулась, стала молчаливой и старалась как можно реже бывать дома; на вопросы друзей только хмурила брови и переводила разговор в другое русло.

Однажды она допоздна засиделась у одноклассницы – на следующий день ожидалась контрольная по алгебре, и девочки увлеклись задачами. Варя тихонько, чтобы не разбудить отца, так как ее позднее возвращение грозило неминуемой головомойкой, прикрыла входную дверь и на цыпочках пошла по коридору. Но в кухне горел свет, и доносились голоса – раздраженный отец и мягкий, почти неслышимый, матери – родители не спали, более того, они говорили о ней:

– Нет, ты посмотри который час. Ну и где ее носит? Она совершенно отбилась от рук, с ней стало невозможно разговаривать.

– Сережа, не кипятись.

– Я не кипячусь. Но ситуация выходит из-под контроля. Ребенок совершенно перестал с нами общаться, на любые вопросы или отмалчивается, или бурчит что-то невразумительное.

– Вот это меня и беспокоит. С ней явно что-то не так. Вдруг что-то случилось? Раньше она делилась малейшими проблемами и всеми радостями, а теперь... Сережа, я очень волнуюсь.

– Ну вот только этого не хватало. Ты же прекрасно знаешь, волнение тебе абсолютно противопоказано.

– Сердцу, как говорить, не прикажешь...

– А ты прикажи, ради маленького, ради нас. Тем более, волноваться, я думаю, особенно не о чем. Это банальный переходный возраст, скоро само все пройдет.

Варвара сначала попятилась, а потом со всех ног бросилась по коридору, влетела в свою комнату и с шумом захлопнула за собой дверь: «Ах вот как это называется – переходный возраст! Она чувствует себя одинокой, покинутой, никому не нужной, она совершенно не знает, что будет дальше, потом, когда в доме появится новое, непонятное существо, и она совершенно не понимает, кому и зачем это нужно... Ведь все было так спокойно, они всегда ладили с родителями, особенно с мамой, они любили друг друга, и всем им было хорошо. А теперь? Что будет теперь? И, оказывается, это всего-навсего переходный возраст, причем ее. Значит она еще и во всем виновата». Варя заметалась по комнате – ее душили слезы – а потом с громким всхлипом плашмя рухнула на кровать. В коридоре послышались мягкие, но такие теперь грузные шаги матери. Ольга Евгеньевна вошла в комнату и тихо присела на кровать возле рыдающей дочери. Она ничего не говорила, только гладила Варю по голове, совсем как в детстве, когда маленькая Варенька никак не желала засыпать. Ощущение тепла и уюта стало окутывать Варвару. Она уловила слабый запах парного молока и чего-то еще, до боли родного, – так пахла мама. Железный обруч, сковывающий ее душу, стал распадаться. Прошло еще несколько минут, и Варя подняла голову, заглянула в мамины глаза и увидела все ту же любовь, которая плескалась там всегда, сколько Варя себя помнила. Она еще раз всхлипнула и уткнулась в тугую, круглый живот матери, а та прижала ее к себе, продолжая гладить по волосам. И в этот момент Варя

щекой почувствовала какое-то движение, потом еще. Она недоуменно глянула на мать, а та тихо, почти шепотом, сказала: «Это маленький с тобой здороваётся. Он тоже любит тебя, как и все мы». Мама еще долго в ту ночь сидела около нее, и они говорили, говорили, о Вариных страхах и маминых надеждах, и много еще о чем.

А потом была та страшная январская ночь. Снег пошел еще с обеда. Он падал и падал огромными белыми хлопьями, похожими на комки ваты. И также, как вата, глушил все звуки. К вечеру стал подниматься ветер, очень быстро превратившийся в настоящий буран. Но дома, возле топившейся печки, было тепло и уютно. Варя сражалась с неправильными глаголами, заданными вредной «немкой». Отец что-то писал в историях болезни, принесенных домой, и изредка с довольной улыбкой поглядывал на своих «девчонок». И только Ольга Евгеньевна была в этот вечер как-то особенно тиха и задумчива. Около десяти Варя наконец закончила с последним упражнением и, сладко потянувшись, отправилась в свою комнату.

Разбудили ее крики и громкие шаги, раздающиеся из коридора. За окном бушевала метель, а в доме явно что-то происходило. Варя накинула платок, сунула ноги в тапочки и выскочила в коридор. Увиденная картина заставила ее испуганно замереть. Бледная до синевы мать, закутанная в шубу и теплый платок, одной рукой опиралась на стену, другой судорожно цеплялась за рукав мужниного пальто. Отец, выглядевший едва ли не хуже нее, почти нес жену к двери: «Оля, Оля, потерпи. Машина уже здесь. Мы уже едем. Ну же, ну потерпи». Ольга Евгеньевна попыталась улыбнуться, но лицо ее свела судорога. Было понятно, что ей очень больно, но не понятно отчего. Вокруг родителей с чемоданчиком в руках суетился Алексей – папин водитель, вернее, не папин, а больничный. Варя хорошо его знала. Отец был хирургом и вот уже три года занимал пост главного врача 1 городской больницы. Мама служила там же процедурной сестрой. Варини мысли заматались как воробьи, пойманные в силочку. Если родители-медики так растеряны, значит происходит что-то серьезное и страшное. И это страшное происходит с ее мамой. А вдруг... Дальше Варя не смогла произнести даже мысленно. Слово «мама» вырвалось громко, истошно, и как-то даже помимо ее воли. Ольга Евгеньевна остановилась, неуклюже повернулась и кивнула Варе, прося ее подойти. Отец пытался что-то сказать, но она жестом остановила его и присела на табурет у стены. Варя опрометью кинулась к ней, в два прыжка преодолев весь коридор, присела на корточки, и заглянула в глаза. А глаза улыбались.

– Варя, ну что ты? Испугалась? Но это ведь ничего, ничего страшного. Это всего-навсего маленький решил появиться на свет. Ну, я же тебе рассказывала. Через несколько дней мы будем дома. Не надо бояться.

В этот момент новая волна боли накатила на нее, она охнула и прикусила губу. Отец заметался, пытаясь поднять ее на ноги.

– Ольга Евгеньевна, помилуйте, если мы не поторопимся, пожалуй, уехать Вам так и не придется, тем более погода такая, – это был Алексей, стоявший уже у самой двери. Он тоже нервничал: как же, жена Главного, а ну как чего случится.

Но у Вари при взгляде на этого рослого и какого-то неуклюжего в своих валенках и бараньем тулупе парня, смущенно переминающегося с ноги на ногу, вдруг отлегло от сердца. Тем более было не похоже, чтобы мама боялась, в отличие от двух взрослых мужчин, смешно и неловко хлопотавших вокруг нее. Значит и Варе бояться не стоит.

Тем не менее, когда за ушедшими закрылась входная дверь, несмотря на строжайшее приказание отца немедленно, во избежание простуды, отправляться в постель, Варя пошла на кухню – спать она все-таки не могла. Она разворошила в печке тлеющие угли, подкинула несколько поленьев, заботливо припасенных отцом с вечера, и уселась за стол, на котором сиротливо стояла банка с вареньем – видимо мама не успела ее убрать. И Варя макала палец в банку, облизывала его, снова макала, облизывала и смотрела в окно, где все еще вихрился

снег. Вернувшийся утром отец поднял ее, спящую, из-за стола и отнес в кровать. А потом она узнала, что мамины мучения закончились появлением на свет ее братишки.

Спустя неделю счастливые, улыбающиеся родители принесли домой сопящий сверток, уложили его на свою большую кровать, и отец, подхватив Варвару в охапку, закружил ее по комнате. Тем временем Ольга Евгеньевна колдовала над свертком. Хохотавшая Варвара вырвалась из отцовских объятий и теперь с любопытством заглядывала через материнское плечо. Покровы исчезали один за другим, и в конце концов явили свету маленького, кряхтящего человечка, во все свои голубые глаза глядевшего на Варвару и сучившего ручками и ножками. Она протянула руку, оттопырив один палец с намерением потрогать новоявленного родственника и вдруг почувствовала, как вокруг ее пальца сомкнулись другие, маленькие, почти невесомые, пальчики. И в этот момент Варвара поняла, что влюбилась, безоглядно и на всю жизнь.

И вот теперь предмет ее обожания, сопя, размазывал кашу по тарелке. Ольга Евгеньевна, возившаяся у плиты, повернулась на звук хлопнувшей двери. В ее глазах плескался вопрос, но она молчала. Она никогда ни о чем не спрашивала, не давила на дочь, зная, насколько та ей доверяет, и доверяла ей сама. Именно поэтому Варвара всегда со своими проблемами бежала напрямик к матери. Так было и сейчас: девушка стремилась домой, к маме, точно зная, что именно ее поддержка необходима ей сейчас, когда она растеряна, напугана. Сейчас она увидит мать и все встанет на свои места. Мама успокоит, мама все решит, и, главное, объяснит, наконец, что происходит.

– Я была на речке. С Костиком...

В Варином голосе слышалась неуверенность. Ольга Евгеньевна вздохнула, чуть заметно улыбнулась и отвернулась к плите. Варя набрала в грудь воздуха, собираясь на одном дыхании изложить свою проблему. Но тут Митька решил, что обе его любимые женщины слишком увлеклись молчанием и на целых уже пять минут потеряли интерес к нему, к Митьке, а это было недопустимо. К тому же у него была проблема, глобальная, и она требовала немедленного решения.

– Варя! Мама сказала, что мы будем играть. В песке. И ты должна найти мою лопатку, – в детском голоске прозвучали наставительные нотки, напомнившие отца, но, поняв, что уже привлек к себе внимание, Митька решил быть вежливым – Пожалуйста!

Варвара, не ожидавшая такого бесцеремонного вмешательства, замерла, уже готовая фраза повисла на кончике ее языка, но так и не оформилась в звуковое выражение. Она резко повернулась к нарушителю готового уже состояться интимного разговора с твердым намерением попросить братца придержать решение своих «глобальных» проблем до лучших времен, но, увидев глядевшие исподлобья такие отцовские глаза в сочетании с надутыми губами и перемазанными кашей круглыми щечками, прыснула со смеху, выхватила Митьку из-за стола и закружила по кухне, пытаясь одновременно целовать. Митька хохотал как безумный, ухал и повизгивал. Ольга Евгеньевна только всплеснула руками:

– Варя, ну что ты как маленькая? Смотри, ты тоже теперь вся в каше. – Но в голосе ее чувствовалось обожание, и мелькали веселые искорки.

Варвара подскочила к матери, одной рукой удерживая Митьку, другой обняла ее за шею и принялась ее целовать. Братец тоже решил принять участие в новой забаве и присоединился к поцелуям, повиснув на материнской шее. Теперь уже хохотали все трое.

Однако скоро волна незапланированного веселья иссякла – Ольга Евгеньевна вспомнила, что опаздывает на работу, при мысли о которой ее лоб прорезали задумчивые складки. Она взяла сына на руки, еще раз поцеловала обоих детей и отправила их отмывать со щек кашу. Она слушала, как они смеются, как повизгивает Митька, расплескивая вокруг себя воду, одновременно обуваясь и закручивая вокруг головы распустившуюся косу. В ее голове затрепыхалась мысль:

– Какая же это радость – дети, наши дети. И как же мы могли бы быть счастливы. Все: и дети, и мы с Сережей. Сергей... – мысль о муже забила, запульсировала в голове, – Писем нет уже пять месяцев, а вдруг?.. Нет. Не думать! Ни в коем случае сейчас об этом не думать! Сейчас надо думать о детях... и о работе... Дети! – Ольга Евгеньевна вернулась в кухню.

Смех уже смолк. Варвара вытаскивала из коробки под столом Митькины игрушки.

– Варя, доченька, я видела, ты хотела мне что-то сказать?

– Да нет, мам, ничего срочного, это подождет до вечера.

– Ты уверена?

– Ну, конечно.

– Как в школе? У тебя ведь последний экзамен... Завтра?

– Нет, мамочка, послезавтра. Елена Игоревна говорит, что все будет хорошо. Да я и сама в этом уверена.

– Ну, вот и славно. Ты у меня умница, – она обняла дочь, потрепала Митьку по умытой щеке – Придется отпроситься на полдня, а то сорванца нашего некуда девать. Обед на плите. Я все успела приготовить, так что вам остается только играть. Рано меня не ждите – мы совсем с ног сбиваемся, рук не хватает.

– Ну, понятно, опять к полуночи.

– Мама, мы опять будем спать без тебя? – Митька приготовился обидеться.

– Потерпите, мои дорогие. Раненые поступают и поступают, и в основном тяжелые. Остальных, видимо, «латают» в полевых госпиталях – что-то неопределенно-пугающее послышалась в ее голосе, и, сама почувствовав это, она замолчала.

– Да не волнуйся, мам, все у нас хорошо, мы справимся. – Варя улыбнулась матери, а та уже шла к двери.

– И, говорят, собирают людей на рытье окопов за городом. Неужели?.. – вопрос повис в воздухе, каждый житель города боялся ответа на него. Так и не закончив фразы, Ольга Евгеньевна вышла за дверь.

4

Десятый «Б» толпился в коридоре. Только что закончился экзамен – сдали все, и даже лучше, чем можно было рассчитывать. Вообще весь последний год класс учился гораздо лучше, чем раньше, отстающих не осталось. Исчезли и замечания по поведению: ребята больше не собирали шумных компаний, не играли в ножички и не бегали на танцы вместо того, чтобы готовить уроки. Да и самих танцев больше не было. Зато были субботники и воскресники, на которые ходили все, не отлынивая и не возмущаясь; были ожидания писем и тревога за судьбу близких, дежурства по городу и сборы денег для госпиталя, комсомольские собрания и сводки Информбюро. Была война...

Вот и сейчас, несмотря на удачную сдачу последнего экзамена, на успешное окончание школы, в коридоре не было слышно ни громких разговоров, ни смеха, ни обсуждений дальнейших планов. Ребята просто тихо переговаривались, ожидая, когда их пригласят в класс. Перед началом экзамена подошел директор и попросил задержаться, чтобы сделать важное сообщение. И вот теперь все ждали и боялись того, что скажет директор.

Варвара тоже ждала, пытаясь сосредоточиться на том, о чем говорили ребята, но мысли ее все время возвращались домой. Сегодня ночью девушка опять слышала, как плачет мама – теперь она плакала каждую ночь, когда думала, что дети ее не слышат. А Варя не могла плакать, но и маму утешать тоже не могла. Она просто старалась не думать об отце, известий о котором не было уже пять месяцев.

Павленко Сергей Дмитриевич – главврач 1 городской больницы, военврач 3-го ранга, добровольцем ушел на фронт в ноябре 1941 г. Потом было два письма – второе из-под Юхнова, где находился его полевой госпиталь. И с тех пор – тишина. И вот уже несколько недель мама тихонько плачет ночами. Хотя от отца Костика тоже долго не было писем, и тетя Аня каждый день высматривала на улице почтальонку, а потом долго глядела ей вслед. А три недели назад письмо все-таки пришло, только не от дяди Коли, а от медсестры из московского госпиталя – у дяди Коли больше не было правой ноги. Идя в тот день из школы, ребята обнаружили Митьку, катавшегося на соседской калитке. Девушка бросилась к брату, подхватила его на руки:

– Митька, ты что тут делаешь?

– Мамку жду – лицо ребенка приняло какое-то задумчивое выражение – они там плачут с тетей Аней.

Костик побледнел, закусил губу, и ребята кинулись в дом. Варвара увидела мать, стоявшую у окна, обнимавшую себя за плечи, как будто ей было холодно. Тетя Аня сидела за столом перед листком бумаги; обе женщины подняли на ребят заплаканные глаза, но ни та, ни другая не произносили ни звука. Костик сначала попятился, потом робко, как-то боком, подошел к столу. Мать молча подвинула ему листок. Он долго, очень долго, глядел в него, хотя Варя видела, что исписано не больше, чем пол-листа. А потом вдруг грохнул по столу кулаком и метнулся за дверь. Девушка испуганно прижала к себе Митьку, которого продолжала держать на руках. Ей хотелось спросить, что же там, в этом желтом листке, вырванном, похоже, из школьной тетрадки. Но она не могла произнести ни звука – язык как будто прилип к гортани. Ольга Евгеньевна подошла к ней, взяла у нее Митьку. И тогда Варя шепотом произнесла, глядя куда-то в пол:

– Дядя Коля?

– Да, доченька, случилось несчастье.

– Несчастье?! – голос тети Ани взметнулся и сорвался – Да что ты такое говоришь Оля? Что ты говоришь! Какое же это несчастье?! Нет! Это счастье! Счастье! Он живой! Живой! – ее опять душили рыдания – а то, что без ноги, так это ерунда... Без ноги – ерунда. Главное – живой... Живой!

И женщины долго еще сидели обнявшись, и, то принимались плакать, то тихо о чем-то говорили.

Теперь тетя Аня так же, как раньше почтальона, ждала поезда, приходящие из Москвы, ежедневно бегая на вокзал. Вот только поезда теперь приходили не регулярно.

А Костик в тот день вернулся поздно ночью – Варя, сидевшая на подоконнике не в силах уснуть, видела его из окна, – и несколько дней ходил как в воду опущенный.

Сейчас он стоял в стороне ото всех, облокотившись на стену. Было видно, что мысли его витают где-то далеко. Сегодня он чуть не опоздал на экзамен, придя в самый последний момент. С ним явно что-то было не так. Варя вздохнула поглубже и направилась в сторону друга – это был их первый разговор после истории на речке, все эти дни девушка его не видела. Она прислонилась к стене возле него:

– Ты чуть не опоздал сегодня – Костик молчал, он даже не поднял головы, – Костик, ты можешь мне сказать, где ты был? – молчание – Послушай, мы же всегда были друзьями. Ты прекрасно знаешь, что можешь все мне рассказать. Ну, где ты был?

– В военкомате – Костик сказал это тихо, как-то отрешенно. Потом вскинул голову, – в военкомате.

– И... что? Что тебе сказали?

– Сказали, что не возьмут – голова юноши опять опустилась.

– А ты что?

– А что я. А ничего.

В конце коридора показался директор в сопровождении мужчины, одетого в брюки и светлую рубашку.

– Ребята, спасибо, что дождались. Пожалуйста, проходите все в класс – голос директора прозвучал в абсолютной тишине. И в такой же тишине все потянулись в классную дверь, так же молча еще раз, теперь уже, наверное, последний, сели за свои парты, ставшими за десять лет частью их жизни.

Директор подождал, пока все рассядутся, помолчал еще несколько мгновений, потом улыбнулся:

– Ну вот, сегодня вы, наконец, сдали последний экзамен. Мы все верили в вас и не ошиблись – вы показали отличный результат. Я хочу поздравить вас с последним экзаменом и окончанием школы. Ну и, конечно, пожелать, чтобы достигнутые вами результаты не пропали зря, чтобы вы и дальше решали поставленные жизнью задачи с таким же упорством и стремлением к отличным результатам, как вы решали их в этом, таком нелегком году. Будьте достойными своей Родины и своего народа. И еще... Несмотря на лихую годину и испытания, которые всем нам предстоят, постарайтесь все-таки стать счастливыми, – голос его прервался. – Ну а теперь о главном. Вы, наверное, удивлены, что я сейчас говорю вам те слова, которые обычно говорят на выпускном вечере. Но на это есть две причины. Во-первых, мне необходимо было сказать это именно сегодня, потому что завтра я уйду на фронт...

Как будто волна всколыхнула класс:

– На фронт?

– Но как же так, Евгений Осипович?

– Почему завтра?

– А как же школа?

– Мы ничего не знали.

Двадцать восемь пар глаз устремились к человеку, который олицетворял для школьников спокойствие и порядок, ум, силу, честь и совесть. Но Евгений Осипович поднял руки, и шумная волна схлынула так же внезапно, как и поднялась – сработала многолетняя привычка.

– Да я и сам, если честно, не знал, даже уже не надеялся. Я столько раз просился, а мне все: «Подождите, да подождите», бронь, понимаешь. И вот, вчера, наконец... Тяжелое сейчас

время, ребята. Да, мы отбросили фашиста от стен Москвы, но теперь он рвется на Кавказ, а на пути у него наш с вами город. Может статься, скоро он доберется сюда. А сколько уже наших людей осталось там, за линией фронта. Немцы не щадят никого: ни больных, ни раненых, ни женщин, ни детей, ни стариков. Тысячи километров нашей земли истоптано, испоганено вражескими сапогами. И в такое время каждый, слышите, каждый уважающий себя мужчина должен быть там. Мы обязаны отстоять нашу землю, наши села и города, наших детей, жен, матерей. А школа, ну что ж, школа останется в надежных руках – наша завуч, Анфиса Юрьевна, вполне справится, и в сентябре, мы все в это верим, первоклассники займут парты, которые вы сегодня оставляете. Ну а теперь второе сообщение, ради которого я попросил вас сегодня задержаться. Знакомьтесь, это секретарь райкома Гвоздев Иван Николаевич, у него есть к вам серьезный разговор.

Вперед выступил мужчина, который пришел с Евгением Осиповичем, но на которого до сих пор никто не обращал внимания, а он и не привлекал его, сидел тихонько за столом. Теперь же он поднялся, притягивая к себе взгляды, и сразу стали видны его изможденное лицо, мешки под глазами, которые он то и дело прикрывал, как человек, долгое время не спавший.

– Ребята, девочки, – он обвел класс своими воспаленными глазами, – я тоже хочу от лица райкома поздравить вас с таким замечательным и важным событием, с окончанием школы. Но не только это привело меня сюда. Как уже сказал Евгений Осипович, да вы, наверное, и сами знаете из сводок, враг рвется к Сталинграду. Положение на фронте сложилось крайне серьезное. За городом началась постройка оборонительных рубежей. Но и в самом городе тяжело – не хватает рабочих рук ни на заводах, ни в госпиталях. Поэтому райком принял решение обратиться к вам с просьбой о помощи. Мы просим всех, кто сможет, выехать на рытье окопов.

Первым встал Петька Шувалов, только вчера провожавший на фронт отца и мужа сестры:

– Я поеду. Куда приходиться?

– И я – это поднялся Ванюшка Петровский, щупленький мальчик в очках, но при этом добрейшей души человек; иначе как Ванюшкой его никто не называл. Две недели назад пришла похоронка на его старшего брата.

– Я тоже.

– И я еду.

Следом за мальчиками стали подниматься и девочки, и через несколько минут стоял уже весь класс. Последним поднялся Костик, казалось, он сомневался до последнего, но потом все-таки встал. Иван Николаевич на мгновение отвернулся, потом упер кулаки в стол.

– Выезжать надо завтра, времени уже нет.

– Ну что ж, завтра, так завтра.

– Что с собой брать?

– Где собираемся?

Класс загудел, как растревоженный улей. Мужчины переглянулись – в их глазах плескалась гордость, перемешанная с горечью и сожалением. Каждый из них понимал, что разговор необходимо довести до конца.

– Завтра должен был состояться ваш выпускной вечер, – голос директора ворвался в ровный гул класса. На мгновение воцарилась тишина, в которой особенно отчетливо раздался голос Петьки:

– Мы ведь не маленькие. И каждый из нас, я уверен, способен на большее, чем танцульки. Не до праздников сейчас – не то сейчас время. Вот закончится война, и отгуляем все сразу. Правда, ребята?

– Точно!

– Правильно!

– Хватит нам сопли вытирать!

– Ну что ж, похоже, вы и правда совсем взрослые, и я горд тем, что не ошибся в вас. Теперь осталось обсудить детали, но это уже в компетенции Ивана Николаевича. А мне, пожалуй, пора. – Слова Евгения Осиповича как будто толкнули класс вперед, но директор остановил ребят, – Не надо, долгие проводы – лишние слезы. Прощайте, ребята, авось еще свидимся, и помните, о том, что я вам сегодня говорил. Я верю в вас, и вы должны верить друг в друга и в свою страну.

С этими словами он почти бегом вышел за дверь.

5

Жаркое июльское солнце палило немилосердно. Высокая, ровная голубизна неба не нарушалась ни единым облачком, способным хоть на мгновение заслонить пылающий огненный шар, висящий над степью. Ни малейшее дуновение ветерка не нарушало жаркое марево, вытягивающее последнюю влагу из земли и из людей, с каким-то тупым остервенением вгрызавшихся в эту землю лопатами и кирками. В обе стороны, на сколько хватало глаз, тянулась живая, шевелящаяся, копошащаяся лента, которой предстояло стать одним из оборонительных обводов вокруг Сталинграда.

Варя в изнеможении прислонилась к стене траншеи: болела спина, горели стертые в кровь руки, а главное невыносимо хотелось пить. «Сколько же сейчас времени? Сколько еще до перерыва, когда придет, наконец, машина с водой?» – Мысли ворочались тяжело, как бы нехотя. – «Как там мама и Митька? И когда уже привезут воду? Вода! Как же хочется помыться и лечь в чистую, пахнущую мылом постель. Сколько еще ночей предстоит провести на лапнике, наваленном в самодельных шалашах. И еще увидеть своих – маму и Митьку». Заботу о малыше взяли на себя тетя Аня и вернувшийся накануне Вариного отъезда дядя Коля. Перед глазами снова встал тот вечер, когда вернулся отец Костика.

Тетя Аня работала на заводе посменно и почти все свободное время проводила на вокзале – домой забежала только иногда, чтобы постирать и приготовить еду для Костика. Но накануне она осталась в ночную смену, которая потом перетекла в очередную дневную. Многие уже на приходили домой по несколько суток, рабочих рук не хватало, а снарядов требовалось все больше и больше. Все, кто мог, встали к станкам, но это мало спасало ситуацию. Новички, хоть и старавшиеся изо всех сил, не могли поддерживать тот темп, в котором работали опытные рабочие. Ритм сбивался, работа стопорилась. Поэтому те, кто были поопытнее, старались оставаться у станков как можно дольше. Измученная полуторасуточной работой женщина отстояла еще два часа в очереди – необходимо было отоварить карточки, и теперь еле шла в сторону дома, сил бежать на вокзал уже не было, да и поезда в такое время уже не шли. Открыв калитку, она увидела на крыльце фигуру военного в выгоревшей гимнастерке, который смотрел на нее такими родными глазами. Дикий, какой-то звериный, толи вскрик, толи всхлип вырвался из ее горла и она, раскинув руки, кинулась в объятия мужа.

Вечером Варя с матерью сидели у Скорниковых. Взрослые пили спирт, извлеченный из НЗ Ольги Евгеньевны, и говорили: о положении на фронте, о госпитале, где лежал дядя Коля, о неудобном костыле, которым его в этом госпитале снабдили. Тогда же и решили, что Митька на время дежурств матери будет оставаться у соседей.

Тетя Аня весь вечер не отходила от мужа. За столом старалась подвинуться к нему как можно ближе и то и дело трогала его за рукав гимнастерки, как будто стараясь убедиться, что он не вымысел, что он живой, он здесь, рядом. Костик, сидя напротив родителей, исподлобья поглядывал на отца и почти весь вечер молчал. Потом так же молча встал и вышел. Минут через пятнадцать Варя вышла следом (взрослые, казалось, даже не заметили их ухода), и нашла друга на крыльце – он стоял, опершись на перила, глядя куда-то вниз и по-прежнему молчал. И это было странно – остряк, заводила в любой компании, Костик не молчал почти никогда, а тут за весь вечер едва ли пара фраз. Было видно, что в его душе шла какая-то глубокая, неодолимая борьба, и все его мысли были направлены на исход этой борьбы. Варя встала рядом, но он даже не повернул головы.

– Ну и что ты все время молчишь? – тишина – Костя! Нет, ты все-таки странный. У тебя отец вернулся, а ты. Набычился, за весь вечер двух слов не сказал.

– Двух слов, говоришь? А что тут можно сказать? И кому это нужно? Уж каких только слов я в военкомате не говорил, но все как в провальную яму. Они даже слушать меня не стали.

– Так если действительно рано. Ну что ты заладил, как маленький: «На фронт, на фронт...» А ты ведь уже взрослый, мужчина...

– Вот именно! Мужчина! Слышала, что сказал Евгений Осипович? Каждый уважающий себя мужчина должен быть там. А я?

– Ну что ты? Вот и твой отец...

– Отец!.. – Костик резко повернулся к девушке, в глазах его появилось что-то темное, страшное, – Да! Он действительно вернулся! Но ты посмотри на него. Разве он теперь человек?!

– Замолчи, немедленно замолчи! – Варина ладонь со свистом опустила на его лицо – Да как ты смеешь? Вот если бы мой папа... – Варвара отступила на несколько шагов и закрыла лицо руками.

Костик отшатнулся, и вдруг как-то сник, как будто из него сразу вышел весь воздух. Он тихо опустился на ступеньку.

На крыльцо вышел дядя Коля, со смаком закурил.

– Ну что, молодежь, сбежали от нас, стариков? И чего носы повесили? – ребята молчали, – или я не вовремя? Прошу тогда простить.

Варя посмотрела на него, в глазах ее все еще стояли слезы.

– Вот что Вы, дядя Коля, такое говорите. Как раз, по-моему, вовремя. Мы вот тут дискутировали.

– На предмет?

– На предмет призыва в армию.

– Ну и кого же сей вопрос так интересуется?

Костик молчал, он только взглянул на Варю исподлобья, но ее уже понесло.

– Да Костика вот интересуется. Он считает, что ему пора на фронт.

И тут Костик вскочил, вся его поза выражала отчаянную решимость отстаивать свое мнение до конца, достучаться до собеседников, докричаться, наконец, чтобы его услышали, чтобы его поняли.

– Да! На фронт! Я считаю, что мне нужно на фронт. Надо бить этих гадов фашистских так, чтобы щепки от них полетели, чтобы никогда они к нам больше не лезли, чтобы не было больше этой непосильной работы, не было похоронок, не было инвалидов... – тут он осекся, глянул на отца, но продолжал, правда, уже с меньшим пылом. Теперь в его голосе звучала уже тоска, хоть и скрытая под юношеской категоричностью. – Наш директор, Евгений Осипович уходит завтра. А сегодня он прощался с нами и сказал то, о чем я сам думаю уже давно, что каждый уважающий себя мужчина должен быть там. Я знаю, ты сейчас скажешь, что я еще слишком молод, что не пришло еще время. Мне все это уже сказали в военкомате. Но разве дело сейчас в этом? Какая разница, меньше мне на полгода или больше. Я считаю, что винтовку в руках держать вполне способен. А со стрельбой у меня всегда был порядок. Поймите вы, наконец, что мне необходимо быть там, тем более теперь, когда ты...

– Когда я стал инвалидом, причем, именно на фронте. Ты это хотел сказать?

– Ну... – Костик замылся, – дело даже не в этом.

– Не в этом, я понимаю. И понимаю, что ты, да все вы уже достаточно взрослые. Война не дала вашему детству быть долгим. Но есть еще и то, что вы, несмотря на то что так рано повзрослели, не знаете, да и не можете знать: фронт – это не романтика, не игра в войнушку, это боль, страх, смерть и грязь – как физическая, так и моральная. И чем дольше вы окажетесь в стороне от этой грязи, тем лучше.

Он щелчком отбросил окурки и стал сворачивать новую самокрутку. Воцарилось молчание. Костик опустился на ступеньку и сидел, подперев голову руками. Варя медленно, робко присела рядом, но не прикасалась к нему, в глазах ее плескалась боль и неуверенность. Каждый думал сейчас о своем. Так прошло несколько минут. И тут дядя Коля снова заговорил:

– Я знаю, я верю: каждый из вас рвется выполнить свой долг перед Родиной, перед людьми. И это правильно. Так и должно быть. Перед лицом такой беды все мы сейчас равны: мужчины и женщины, взрослые и дети, и старые, и молодые. Вот только, чтобы быть «в строю», необязательно находится на передовой. Мать сказала, завтра вы едете на окопы. Так вот, это – тоже фронт. Если бы вы только знали, чего стоят солдатам эти окопы, и какую цену приходится платить за их отсутствие. Эх, чего уж там. А разве заводы здесь, в городе, да и по всей стране, – это не фронт? А госпиталь? А в колхозах, где только бабы, да малые ребятишки всю страну сейчас кормят – это не фронт? Каждому сейчас свое место, и всему свое время. – Он еще помолчал, а потом, как будто решившись после долгих мучительных раздумий, все-таки сказал, – может быть, очень скоро эти окопы спасут жизнь тысячам людей...

Варя вскочила:

– Как же так? Что вы такое говорите? Обводы, на которые мы едем всего в шестидесяти километрах от города, а до фронта пятьсот километров. За нашими войсками Дон. Немцам никогда его не перейти. Оборонительные рубежи – это так, на всякий случай. Их сейчас везде строят. Здесь они не понадобятся. Это все знают. – В ее голосе слышались истерические нотки – она во что бы то ни стало пыталась доказать в первую очередь самой себе, что немцы действительно никогда не пройдут эти пятьсот километров, отделяющие их от Вариного дома, от их школы, от маминой больницы. Никогда!

– Эх, Варвара, твои бы слова, да богу в уши. Ну, что ты, что ты – в Вариных глазах опять заблестели слезы, – конечно, пятьсот километров – это тебе не шерсти клочок. Дорого они встанут... немцам.

Он провел рукой по Вариным волосам и ушел в дом. А ребята долго еще молча сидели, окруженные вечерней тишиной. Природа безмолвствовала вместе с ними. Может быть, она тоже думала о том, что может скоро произойти здесь, в волжских степях.

– Устала? – это, конечно был Костик.

Варя кивнула головой – сил говорить не было, да и язык, иссушенный жаждой, не желал повиноваться.

– Потерпи, скоро придет машина с водой. Ты давай, передвинься на мое место, а я здесь подровняю.

Он передвинул ее на свое место и передал лопату. Черенок был гладкий, ровный, без сучков. Варвара с ужасом вспоминала то орудие труда, которое получила в первый день по прибытии, и благодаря которому ее руки к вечеру покрылись волдырями и ссадинами. Оказалось, что большинство лопат были такими, и каждый вечер женщины со слезами на глазах бинтовали изуродованные ладони. Костик, увидев ее руки, только крикнул и как будто бы выругался про себя. Как ему это удалось, осталось неизвестным, только на следующее утро Варя взяла в руки легкую лопатку с гладким, чуть ли не зеркальным черенком, и теперь ей приходилось легче, чем другим.

И так было все три недели: Костик старался не отходить от нее ни на шаг, в траншее старался прихватить от ее участка, в очереди к полевой кухне умудрялся оказаться в первых рядах; лапник в шалаше, где она жила с пятью девчонками, всегда оказывался свежим, а вода в котелке чистой. Вот и теперь Костик передвинул ее на свое место, где уже успел расковырять неподатливую глину, и Варя оставалось теперь только выкинуть ее наверх.

Еще какое-то время работали молча. Люди в траншеях вообще мало разговаривали – старались сберечь каждую крупицу энергии. Вдруг людей как будто всколыхнуло, все выпрямили спины и только потом послышался долгожданный крик: «Воду привезли!» Люди так же тихо, как работали, складывали лопаты, поднимались наверх и шли к машине. Костик легко вспрыгнул на бруствер, потом подал Варю руку и легко поднял ее наверх.

– Ты давай свой котелок и посиди тут, а я быстро сбегаю.

Варвара, кивнув Костику, отошла к чахлому кустарнику и в изнеможении опустилась на траву: «Костик, он такой славный, такой добрый, настоящий друг. Ну что бы я делала без него?»

Слово «друг» неприятно кольнуло Варино сознание, но это ощущение, не задержавшись, сразу же растворилось в кипящем зное, заполнявшем не только тело, но и сознание. С того утра на речке прошло три недели, ничто не напоминало о случившемся, Костик вел себя как всегда, и Варе стало казаться, что все это ей только приснилось. Хотя временами молчаливая забота Костика заставляла ее в мыслях возвращаться к тому утру, и она была вынуждена признаться самой себе, что ищет в этой заботе признаки какой-то особенной, не совсем дружеской привязанности. Правда времени на размышления оставалось все меньше – усталость заставляла ее засыпать, «не донеся голову до подушки».

Люди стали возвращаться обратно, но теперь среди них чувствовалось какое-то возбуждение, они шли уже не по одному, а группами, воздух наполнился шелестом голосов, который постепенно превращался в ровный гул. Из-за куста вынырнул Костик и протянул Варе котелок, до краев наполненный тепловатой водой. Девушка жадно припала к отдававшей чем-то прелым влаге. И только почувствовав, что колючки во рту рассосались, а язык принял нормальный свой размер, она подняла на Костика глаза, в которых теперь плескался вопрос. Однако тот молчал.

– Что там?

– Немцы в Обливской.

Варвара вскочила на ноги:

– Да что ты такое говоришь? Этого просто не может быть. Это же чуть больше двухсот километров.

– Подожди, есть и еще новость: завтра мы возвращаемся домой...

– Домой?

– Да, в ближайшие дни в области будет объявлено военное положение.

– Ты хочешь сказать?..

– Варя, мы едем домой, это сейчас главное. Ты, наконец, отдохнешь...

– Да о чем ты говоришь, ты понимаешь, что происходит?

– Да, я понимаю: фронт приближается и, возможно, очень скоро будет здесь, вот в этих самых окопах.

– Нет, не будет этого никогда! Слышишь, никогда! Немцам никогда не быть на Волге.

Костик молча отвернулся и пошел к траншее.

6

На дороге творилось что-то невообразимое. Всю степь, на сколько хватало глаз, заполнили стада. И среди этого мычавшего, хрюкавшего, блеявшего моря вот уже три часа стояли грузовики, набитые изнемогавшими от жары людьми.

Машины пришли не в шесть утра, как ожидалось, а почти в девять, но главное, вместо сорока их оказалось только четырнадцать. Началась паника, люди во что бы то ни стало пытались попасть в кузов – усталость и тревога гнали людей домой. В результате погрузка заняла гораздо больше времени, чем нужно было, а машины оказались просто забиты людьми, которые сидели впритык друг к другу, а кому-то пришлось даже стоять. И все-таки забрать удалось далеко не всех. Однако Варя попала в кузов одной из первых – и здесь не обошлось без Костика, он буквально приступом взял кузов, пока другие выясняли, что произошло, почему так мало машин, и каким образом люди будут вывезены отсюда. В одиннадцатом часу машины, наконец, тронулись.

Ехали около часа, когда на дороге стали попадаться стада,двигающиеся в сторону города; постепенно их становилось все больше. Сначала они шли в степи, потом начали заполнять дорогу, и машинам пришлось замедлить ход, чтобы пробираться между ними. И наконец, скотина заполонила все окружающее пространство и машины, оказавшись в самой гуще, окончательно остановились.

Время уже перевалило за полдень, когда наконец выяснилось, что городским комитетом обороны было принято решение об эвакуации скота за Волгу. И вот теперь тысячи и тысячи животных двигались в окрестности Сталинграда, где должны были переправиться на левый берег. Прошло еще два часа, а машины, набитые сидящими и стоящими людьми, не двигались с места. Не было возможности не только спуститься из машин, чтобы размять ноги, но даже переменить положение. К жаре и жажде добавились еще и мухи, неизменно сопровождавшие скотину. Они, жужжа, садились на руки и лица, липкие от пота. Но самым мучительным было чувство тревоги, снедавшее людей, оно ржавым поршнем ходило внутри, разрасталось, мешало думать, не давало говорить. И над машинами висела тяжелая, словно ватная тишина.

Варвара, вконец измученная, сидела, привалившись к Костику. Какая-то мутная, липкая дремота овладела ею, когда машины, наконец, тронулись. Легкий ветерок, сопровождавший движение, выдернул девушку из полудремы. Дышать стало чуть легче, и теперь Варя, не отрываясь смотрела на дорогу, бегущую навстречу, и также какой-то бегущей полосой текли ее мысли: «Что же там, в городе? Что будет? Как все будет?»

Ближе к вечеру въехали наконец в город. И вдруг оказалось, что жизнь идет своим чередом. По улицам шли люди, спеша по своим делам, пронеслись машины, позвякивали на остановках трамваи. Вот только лица были чуть озабоченнее, машины ехали быстрее, а дребезжащий звон трамваев вызывал смутную тревогу.

Грузовики выехали на Первомайскую и неожиданно остановились у здания Авиаучилища, где сейчас размещался Крайисполком. Вся улица у подъезда была заставлена мебелью, завалена какими-то узлами и кипами бумаг, вокруг суетились люди. Варя с высоты кузова видела, как к первой машине подскочил коротконогий, весь какой-то круглый мужчина, похожий на колобка. Сходство со сказочным персонажем усиливала обширная лысина, блестящая на уже низко стоявшем солнце. Коротышка распахнул дверцу машины и что-то доказывал водителю, активно размахивая руками. В конце концов водитель вышел и махнул рукой, давая сигнал к разгрузке. Люди стали медленно выбираться из опостылевшего за целый день кузова, с трудом разминая совершенно затекшие ноги. Ни у кого уже не было сил спорить или выяснять, почему их высаживают здесь, а не у здания универмага, откуда три недели назад они уезжали. Но «колобок» не желал мириться с их медлительностью. Он бегал вокруг, размахивал

руками и что-то кричал визгливым, вызывающим раздражение голосом. Не успев расстаться со своими пассажирами, машины немедленно стали заполняться вещами, наводнившими улицу у центрального подъезда. Водители, измученные дорогой, курили в сторонке, не принимая никакого участия в царившей суете. Было件нятно, что перспектива снова садиться за руль не вызывала у них никакого энтузиазма.

Варя, буквально выпавшая из кузова на сильные руки Костика, так и стояла, прижавшись к нему – сил двигаться просто не было. Костик тоже не двигался с места, обнимая девушку за плечи, уткнувшись в ее волосы, пахнувшие пылью и солнцем. Поэтому они не сразу увидели двоих солдат и сопровождавших их лейтенанта, выбежавших со стороны площади. И только когда со стороны машин понеслись крики и отборная ругань, молодые люди очнулись: Варвара от своей усталости, а Костик – от ощущения тепла, вызванного прижимавшейся к нему девушкой.

У машин происходило что-то непонятное. Солдаты оттеснили от ближайшей машины людей, тащивших какие-то узлы, а «колобок», размахивая руками, что-то кричал лейтенанту. Костик взял Варю за руку и потянул за собой. Протиснувшись ближе к машинам, они смогли услышать то, от чего по их потным спинам побежал озноб.

– Я Вам говорю, необходимо срочно погрузить государственное имущество! – голос «колобка» высокий и резкий врезался в толпу.

– А я говорю, у меня приказ – реквизировать любой транспорт для отправки снарядов, – пытался перекричать его немолодой уже лейтенант.

– Машины приписаны к Крайисполкому! У меня путевки!

– А у меня боеприпасы! Боеприпасы! Слышишь, ты!

– Немедленно отойдите от машин! Я буду жаловаться!

– Да понимаешь ты, или нет! Надо отправлять снаряды! Фронт...

– Вот именно, фронт! Фронт приближается, а имущество не эвакуировано! – «колобок» принялся отталкивать лейтенанта.

Толпа заколыхалась, а затем расступилась, пропустив в эпицентр скандала человека лет тридцати с погонами капитана. Его серые глаза, имевшие какой-то стальной оттенок, обежали участников свары.

– Что здесь происходит? – его спокойный и уверенный тон заставил обоих участников скандала немедленно к нему повернуться, – Лейтенант, что за вид? Почему пуговица расстегнута? Доложите по форме!

Лейтенант немедленно вскинул руку к пилотке:

– Товарищ капитан! Лейтенант Сергеев! Имею приказ о доставке любого транспорта на вокзал для немедленной отгрузки боеприпасов и отправки их к линии фронта, – одной рукой он пытался застегнуть верхнюю пуговицу, другой – одернуть гимнастерку. Его покрасневшее лицо выдавало растерянность и усталость от бессмысленного, как ему казалось, спора. Рука капитана взлетела к фуражке. Но тут же раздался визгливый голос «колобка».

– Это не любой транспорт! Не любой, говорю я вам! Это машины крайисполкома, и будут использованы для эвакуации государственного имущества! Они и так опоздали на четыре часа! Нам немедленно надо грузиться!

Толпа замерла, прислушиваясь к разговору. Не смотря на усталость, люди не расходились, ожидая окончания спора, суть которого никак не усваивалась, не хотела восприниматься: эвакуация... боеприпасы... линия фронта – все это вроде бы было отдельными словами, но сливалось во что-то единое, вызывающее ужас и растерянность.

– Это что ли государственное имущество? – капитан поддел носком сапога один из узлов, сваленных на тротуаре. «Колобок» метнулся к узлу:

– Аккуратнее, там посуда, сервиз.

Капитан хмыкнул, и повернувшись к солдатам резко бросил:

– Разгружайте! – и, обращаясь к водителям, – Поступаете в распоряжение лейтенанта Сергеева.

– Не имеете права! Вы не имеете права – «колобок» задыхаясь продолжал наскакивать на военного, уже понимая, что проиграл.

А лейтенант тихо, отрывисто заговорил, отвечая на вопрос старшего по званию:

– Три эшелона с боеприпасами... разгружаются круглосуточно... весь транспорт задействован... сюда раненых – обратно снаряды... положение тяжелое...

Варя умоляюще взглянула на Костика, как бы прося, чтобы он опроверг все услышанное ими, чтобы как-то успокоил, сказал, что все это не правда. Но Костик отвел глаза, взял девушку за руку и потянул за собой.

Выбравшись из толпы, они медленно пошли мимо Универмага по улице Мира. И только когда смолк шум толпы, Костик остановил Варю:

– Куда ты сейчас? Домой?

– Не знаю. Наверное, нужно зайти к маме на работу. Она почти наверняка там. Надо узнать, где Митька. Надо забрать его домой.

– Я провожу...

Но Варя уже не слушала его. Она шла все быстрее и быстрее, свернула на Волго-донскую – так было быстрее. И Костику оставалось только идти за ней.

Первый, кого Варя увидела на ступеньках госпиталя, был именно Митька, сосредоточенно ковырявший в носу. Во дворе царил невообразимый беспорядок: бежали куда-то санитары, въезжали и выезжали машины, четверо подростков под руководством медсестры тащили сложенные друг на друга лавки, перед крыльцом курили раненые, возбужденно переговариваясь. Митька невозмутимо взирал на всю эту суматоху, сидя на верхней ступеньке лестницы. Щеки его были перемазаны чем-то красным, шнурок на одном ботинке развязался, на рубашке отсутствовало несколько пуговиц. Все это придавало ему жалостливый и вместе с тем забавный вид. Девушка со всех ног кинулась к крыльцу, взлетела по ступенькам и подхватила брата на руки. Он был весь пропитан солнечным теплом и пах чем-то сладким. Малыш обвил ее шею липкими ручонками:

– Варя. Тебя очень долго не было. Очень-причень долго не было. – Из Вариных глаз уже готовы были закапать слезы, но их не оказалось – то ли от жары, то ли от усталости. И только горячий комок остановился где-то в горле.

– Ну, малыш, я вернулась. Все хорошо. А где мама? Ты почему здесь?

– Там. Мама там. Все там. – Митька стал выворачиваться из Вариных рук, и в конце концов ей пришлось опустить его на ступеньки. Брат потянул ее за руку. – Пошли, Варя, пошли, заберем маму домой. Я хочу домой.

Но домой они в этот день так и не попали. Уже поднимаясь за братом по ступенькам, Варя успела заметить, что Костик, подхватив поехавшую из рук подростков лавочную пирамиду, идет за медсестрой, а упустившие лавки ребята, сопя и отдуваясь, семят следом. Промелькнула мысль: как же он, наверное, устал, бедный, а теперь еще эти лавки. Но, открыв дверь и войдя в холл госпиталя, она тут же забыла и о лавках, и о Костике. В нос ударил запах медикаментов, пота и запекшейся крови. Весь холл был заполнен ранеными – они стояли, сидели и даже лежали на каталках, на лавках и прямо на полу. Кто-то стонал, кто-то бредил, кто-то ругался, кто-то звал врача. Повсюду суетились люди в белых халатах: бинтовали, промывали, несли носилки, тоже ругались, уговаривали или просто молча делали свое дело. То тут, то там раздавался властный голос: этого в операционную, срочно; в процедурный; носилки сюда; поднимайте, аккуратно; здесь только обезболите; все, этого во двор.

У Вари немедленно закружилась голова, она вцепилась в Митькину ручонку и стала оглядываться в поисках кого-нибудь, кто мог бы сказать, где искать Ольгу Евгеньевну. Ей нестер-

пимо захотелось присесть, закрыть глаза, заткнуть уши и не слышать больше этого ужасного: «Все, во двор». Это «Во двор» тупой болью билось в Вариной голове, сбивало дыхание – во двор могли выносить только мертвых. А Митька продолжал тянуть ее за руку – видимо он совершенно точно знал, куда надо идти, где искать маму. Варя медленно двинулась за ним, пробираясь между людьми. Совершенно неожиданно взгляд ее выхватил молоденького бойца, совсем еще мальчика, привалившегося к стене. Лицо его было серым, глаза обведены черными кругами, искусанные, растрескавшиеся губы кровоточили. Тоненькая, совсем детская шея торчала из гимнастерки, на которой у левого плеча расплывалось бурое пятно. Парень стоял, обхватив себя правой рукой, и молча смотрел куда-то в никуда. Также молча он стал сползать на пол. Только стена не давала ему упасть.

Варя в последний момент успела подхватить его и аккуратно опустить на пол. Тут же рука ее ощутила влагу. Она посмотрела на свою ладонь – кровь. Девушка стала быстро расстегивать истерзанную, порванную гимнастерку. Обнажилось плечо с жидкой, наспех наложенной повязкой, сквозь которую просачивался и расплзался по груди кровавый ручеек. Варя обернулась к Митьке, спокойно разглядывавшему совершенно не предназначенную для детских глаз картину, и подтолкнула его к столу с разложенными на нем медикаментами. Брат без слов понял ее и заковылял в нужном направлении.

– И йод, Митька, – он оглянулся на сестру и двумя руками сгреб бинты и несколько пузырьков. Также молча он проделал обратный путь, спокойно обогнув санитаров, бежавших с носилками ему навстречу, и протянул сестре свою добычу.

Варя распустила узел, удерживавший повязку, и размотала бинт. Глазам открылось нечто рваное, откуда толчками выливалась кровь. Немедленно к ее горлу подступила тошнота и мелькнула мысль о Митьке, который продолжал молча стоять за ее спиной. Вдруг кто-то тронул ее за плечо, предлагая отодвинуться.

– Ну-с, что тут у нас. – Над бойцом склонился мужчина в белом халате. «Врач, – подумала Варя, – Слава Богу». Мужские пальцы быстро пробежали по окровавленному плечу, исторгнув из раненого тихий, какой-то не похожий на человеческий, стон.

– Хорошо, хорошо. Кость не задета.

Варя собралась уже подняться и отойти, оставив раненого на попечение врача. Но тот, даже не глядя на нее, выпрямился:

– Промывайте, бинтуйте, и в палату. Потом наложим швы. Просто большая кровопотеря. – Последние слова он договаривал уже отходя.

Варя снова склонилась над раненым. Потом бросила взгляд на пузырьки, добытые Митькой – в одном из них оказалась перекись. Она еще раз посмотрела на то, что еще недавно было молодым, юношеским телом. Боец больше не стонал, глаза его были закрыты. Видимо, он все-таки потерял сознание. Девушка беспомощно оглянулась вокруг – все были заняты своим делом, никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Она опять перевела взгляд на раненого, на его землистое, совсем еще молодое лицо с запавшими глазами и поняла, что выбора у нее нет.

Снять гимнастерку не получилось, и Варя просто разрежала ее скальпелем, также представленным заботливым Митькой. Стараясь, чтобы руки ее не дрожали, она стала промывать рану куском бинта, смоченного в перекиси. Кровь почти перестала течь. Оторвав еще один кусок бинта и сложив в виде большого тампона Варвара прижала его к ране и быстро-быстро стала бинтовать раненого, молясь про себя, чтобы он не очнулся, пока она не закончит – она просто не смогла бы взглянуть в эти наполненные болью глаза.

Не успела она закончить, как у нее за спиной, словно по волшебству, материализовались санитары.

– В палату?

– В палату, так доктор сказал, – язык почти отказывался повиноваться хозяйке.

Санитары подхватили раненого, уложили на носилки и споро зашагали куда-то в глубину коридора. Варвара изможденно привалилась к стене, в глазах расплывались какие-то темные пятна, а в голове билась одна только мысль: «Все это ужасно, ужасно... не могу больше... не могу». Из полузабытья ее вырвал Митькин голос: «Варя, ну, Варя, пойдем. Пойдем к маме», – братец настойчиво тянул ее за подол. Варя тяжело наклонилась к брату, погладила его по чумазой щеке, потом подала ему руку, за которую Митька моментально потянул ее вглубь того коридора, куда санитары унесли раненого.

Ольга Евгеньевна нашлась на втором этаже, в одной из палат. Увидев Варвару, она оставила группу молоденьких девушек, которым перед этим терпеливо что-то объясняла и бросилась к дочери. Уткнувшись в теплую материнскую грудь, Варя почувствовала, что из глаз ее начинают наконец течь слезы – огромные, горячие, затопившие вдруг все Варино существо. Все дальнейшее происходило как в тумане. Варя помнила крепкие, теплые руки матери, которые поддерживали ее пока они шли куда-то, усаживали ее на что-то мягкое, но комковатое, подавали чашку с чем-то остро пахнущим. А потом Варя не помнила вообще ничего.

Ольга Евгеньевна нашлась на втором этаже, в одной из палат. Увидев Варвару, она оставила группу молоденьких девушек, которым перед этим терпеливо что-то объясняла и бросилась к дочери. Уткнувшись в теплую материнскую грудь, Варя почувствовала, что из глаз ее начинают наконец течь слезы – огромные, горячие, затопившие вдруг все Варино существо. Все дальнейшее происходило как в тумане. Варя помнила крепкие, теплые руки матери, которые поддерживали ее пока они шли куда-то, усаживали ее на что-то мягкое, но комковатое, подавали чашку с чем-то остро пахнущим. А потом Варя не помнила вообще ничего.

Когда Варя проснулась, в распахнутое окно веяло утренней свежестью, то мягкое и комковатое, на которое она опустилась вчера, оказалось диваном в сестринской, где сейчас никого не было. Однако за окном уже раздавались голоса, слышалось какое-то бряцание – госпиталь уже проснулся и жил своей жизнью.

Варя опустила ноги с дивана – все ее тело немилосердно болело, казалось, каждая мышца горит огнем. Тем не менее она чувствовала себя выпавшейся и достаточно отдохнувшей. Варвара аккуратно, стараясь не тревожить натруженные мышцы, встала, подошла к окну. Нянечки развешивали на длинных веревках белье, и простыни, как флаги, развевались на ветру. Дверь тихонько скрипнула, девушка обернулась на звук – в дверях стоял Костик.

– Проснулась, спящая красавица?

– Костик, ты как здесь?

– Да вот как-то так, ногами в основном.

– С ума сойти. Ты что здесь делаешь? Хотя сама-то я что здесь делаю, мне не очень понятно.

– Как это что? То, что и делают в больницах – спишь.

Варвара улыбнулась – Костик, милый Костик – она кивнула и тот ловко просочился в открытую дверь.

– Ты куда-то пропал вчера.

– Да никуда я не пропал, пока возился с мебелью, пока искал тебя, оказалось, ты уже спишь. А утром зашел к вам – замок, ну я сюда. Ты как? – он подошел к Варе как-то сбоку, положил руку ей на плечо. Варвара накрыла ее своей ладонью:

– Нормально, уже нормально. Костик – пальцы ее сжались вокруг мужской ладони – ты был утром в городе... что... что там говорят?

Тот выдернул ладонь из-под ее пальцев, резко развернулся и отошел. Варвара обернулась – он не смотрел на нее.

– Костик! – тот молчал. – Костя, что там происходит? Что? Я хочу знать. – Костик резко повернулся и взглянул Варе в глаза:

– В городе военное положение. – Он сказал это как будто выплюнул и опять отвернулся.

– Дверь распахнулась, в сестринскую влетел Митька и кинулся к сестре, обхватил ее ручонками, затеребил. Но Варвара словно оцепенела, она даже не глянула на брата. Вошла Ольга Евгеньевна, побледневшая, осунувшаяся, но улыбающаяся. Но вымученная улыбка как будто стекла с ее лица, как только она увидела ребят:

– Вы уже знаете? – она подошла к дивану, присела на самый краешек с прямой спиной и сложенными на коленях руками. Митька выпустил Варини коленки и устроился рядом. Несколько минут все молчали, потом Ольга Евгеньевна глубоко вздохнула и заговорила:

– Мужайтесь. Да, это тяжело. И страшно... жутко страшно. Но все мы должны быть сильными, очень сильными. До фронта двести километров, немцам никогда, слышите, никогда не быть на Волге. Создан новый Сталинградский фронт. Их остановят, обязательно остановят. А мы должны помочь... помочь им... – Костик вскинул голову, закусил губу, но промолчал. – Мы должны помочь им здесь – женщина поднялась, подошла к Косте, обхватила его за плечи – вы знаете, как тяжело сейчас на заводах, в госпиталях, даже на вокзалах; в городе начинается паника, многие рвутся уехать. Но большинство сделают все, что от них зависит, чтобы помочь фронту. Люди практически не выходят с заводов, все, кто может, встали к станкам, другие помогают разгружать составы, перевозить боеприпасы, огромное количество людей на окопах, вы это знаете. Те, кто не может оставить дом, берут к себе раненых. Варвара, я хотела попросить тебя помочь в госпитале, мне рассказали про твое вчерашнее «показательное выступление», – Митька заерзал на диване и демонстративно стал смотреть в окно, но сестра и не думала упрекать его, Ольга Евгеньевна вопросительно смотрела на дочь.

– Да мама, конечно – глаза Вари подозрительно блеснули.

– А мне что, тоже прикажете бинты стирать? – Костик отскочил почти к самой двери – было видно, что его просто переполняет гнев.

– Ну почему же бинты? – Ольга Евгеньевна подошла к нему, снова попыталась обнять – вон как ты ловко вчера с лавками-табуретками разобрался – но Костик отшвырнул обнимавшие его руки:

– С лавками! С табуретками! Да Вы... Вы понимаете... – голос его сорвался, захлебнулся, и он пулей вылетел за дверь.

7

В эту ночь в госпитале никто не ложился. Разве что Митька спал себе спокойно в сестринской. Последнюю неделю жили в госпитале – Варя с братом только раз были дома, чтобы переменить одежду. Не было никакой возможности отлучиться. Не хватало рук, бинтов, медикаментов, кроватями давно были заставлены все коридоры. А раненые все поступали и поступали: днем и ночью. Последние двое суток Ольга Евгеньевна не выходила из операционной, и на Варю кроме работы полностью легла и забота о брате. Впрочем, он не страдал от отсутствия внимания, кочуя из сестринской в ординаторскую, из ординаторской по палатам. В последний раз Варвара обнаружила братца в компании выздоравливающих бойцов, куривших на лестнице, где он с серьезным видом объяснял, что папа его – врач, и мама – врач, и Варя – врач, и сам он теперь тоже врач, потому что живет здесь, в больнице и помогает лечить людей.

Накануне вечером главврачу позвонили и велели готовить госпиталь к эвакуации, вместе с ранеными должны были эвакуировать и медперсонал, поэтому всю ночь в госпитале кипела работа: паковали медикаменты, готовили тяжелораненых. В шесть утра Ольга Евгеньевна взяла Митьку и вместе с другими врачами отправилась собирать вещи – к трем часам должны были прийти машины. В госпитале остались только дежурные хирурги и младший медперсонал, которому предстояло завершить сборы. Осталась и Варя.

Суматоха нарастала, в сестринских и процедурных кабинетах царил погром, всегда сопутствующий переезду, уже начали сносить вниз ящики с медикаментами и перевязочным материалом. И только в операционных царил армейский порядок – там все еще оперировали.

Часов в одиннадцать начали раздавать обед, который решено было перенести на два часа раньше, чтобы не задерживаться потом с погрузкой, и воцарилась, наконец, относительная тишина. Вдруг со двора раздался крик: «Раненых привезли!» Варвара бросилась к окну: во двор госпиталя один за другим въезжали открытые грузовики, набитые пыльными, наспех перевязанными бойцами. Сторож, размахивая руками, что-то кричал водителю первого грузовика, но машины продолжали движение. И вот уже открыты борта, на землю тяжело спускаются люди, изможденные болью, жаждой и дикой, нечеловеческой усталостью. Следом спускают тяжелых и кладут их прямо на землю, в дворовую пыль.

«Что же это происходит? Куда же их? Мы ведь уезжаем» – мысли скачками неслись у Вари в голове, и она опрометью кинулась к лестнице, где чуть не врезалась в Василия Петровича, спускающегося вниз. Друг и коллега Вариного отца, занявший пост главврача после ухода того на фронт, зарекомендовал себя как отличный администратор – он никогда не поддавался панике, четко и решительно улаживал все проблемы. Вот и сейчас он размеренным, уверенным шагом вышел во двор, одним своим появлением успокоив нервозность, царившую среди персонала. Из самой гущи мечущихся по двору людей вынырнула сестра-хозяйка – румяная, дородная женщина, славящаяся своей добродушной простотой и материнской любовью к своим подопечным.

– Василий Петрович! Ну как же так? Говорю же им, что уезжаем мы, но ведь не слушают совсем. Господи, что же делать то, а? И солдатики-то, солдатики, так горемыки намаялись. Куда же их, а? Как же они?

– Фаина Дмитриевна, голубушка, пожалуйста, успокойтесь, – и главврач, мягко отстранив женщину, направился к машинам, попутно останавливаясь около раненых, лежащих на земле. Около некоторых он задерживался, на других кидал только оценивающий взгляд. Медсестры, сгрудившиеся на крыльце, несмотря на растерянность, по привычке двинулись за своим руководителем. Разгрузка раненых приостановилась – все следили за движением людей в белых халатах.

– Василий Петрович, может Вам позвонить? – Фаина Дмитриевна, привыкшая к порядку, царящему в стенах госпиталя, еще раз попыталась стабилизировать ситуацию.

– Куда? – главврач присел на корточки возле бойца, бывшего без сознания. Из груди его вырывался то ли хрип, то ли свист, из-под неровно наложенной повязки сочилась сукровица.

– Ну как куда? Ну, в горком или в облизполком, или, я не знаю. Ну, кто занимается эвакуацией?

– Да звонил я уже. И утром, и между операциями четыре раза.

– И что, что они сказали?

– А ничего.

– Как? Как это ничего?

– Ничего, потому что ни один телефон в городе не отвечает.

– Почему? – в голосе сестры-хозяйки зазвучала паника.

– Я... не знаю... Три часа назад я послал Смирнову выяснить, что происходит, однако она до сих пор не вернулась.

В этот момент дошли до машины, около которой суетился сержант, руководивший разгрузкой.

– Товарищ сержант, я главврач госпиталя. Объясните, пожалуйста, что происходит.

Сержант обернулся. На вид ему было лет девятнадцать–двадцать. По лицу его струйками стекал пот, который он вытирал пыльным рукавом гимнастерки, отчего на щеках образовались черные полосы, и это придавало ему совсем мальчишеский вид.

– Чуть старше меня, – подумала Варя. А в глазах окружавших ее женщин заплескалась тоска. Сержант как-то нерешительно вскинул руку к виску.

– Сержант Сверчков! Раненых разгружаем! – четко, по-военному и потом с какой-то детской обидой в голосе, – сами не видите что ли?

– Да вижу, – главврач мгновение помолчал, молчали и все вокруг, ожидая результата разговора, – но видите-ли в чем дело... Госпиталь сегодня эвакуируется, и мы не можем принять новых раненых. Многим необходима немедленная помощь, а мы через несколько часов должны грузиться – мы даже обработать их не успеем.

– У меня приказ сопровождать до Сталинграда, до ближайшего госпиталя, – в голосе сержанта слышались и растерянность, и желание настоять на своем.

– Но почему вы не отправляете их на тот берег? У вас машины, везите к переправе.

– Да не могу я. Говорю же, приказ – до Сталинграда, – теперь растерянность преобладала. Зато в голосе главврача зазвучал металл.

– Сержант! Что происходит?

Юноша молчал.

– Сержант!

– Товарищ врач, ну поймите, мне надо возвращаться, скорее возвращаться.

– Возвращаться куда?

Сержант опустил голову и молчал. Главврач понизил голос:

– Раненые откуда, я вас спрашиваю?

Сержант, подняв голову, встретился с ним взглядом и произнес так, что его расслышали только несколько человек:

– Из-под Калача...

Василий Петрович резко повернулся к сопровождавшим его людям:

– Разгружайте!

Никто не двигался.

– Вы что, не слышите? Санитаров сюда. Начинайте разгрузку раненых. – В голосе главврача послышался металл. В таких случаях никто не решался ему возражать, но сейчас из толпы медсестер послышался чей-то голос:

– Но... Эвакуация... Как же?

– Разгружайте! – и главврач направился к подъезду, на ходу отдавая указания по поводу тех, кого уже успел осмотреть, – Перевязку! В процедурный! Этого в операционную, срочно.

Больше никто не спорил, во дворе закипела привычная работа по разгрузке и осмотру раненых. Грузовики спешно покидали двор.

Мест, с учетом прибывших, в госпитале не хватало, спешно освобождали дополнительные помещения, раненые заполнили все коридоры. В процедурных вскрывали тщательно упакованные за ночь боксы с медикаментами. Персонал сбивался с ног.

Варвара заканчивала перевязывать очередного раненого, когда Василий Петрович, направлявшийся в операционную, бросил на ходу:

– Варвара, закончишь, сразу отправляйся домой – Ольга Евгеньевна немедленно должна прийти, – и, уже обернувшись, – а ты... попробуй поспать пару часов.

Когда Варя вышла на улицу, то после госпитального шума и суеты, всегда сопутствующих поступлению раненых, она показалась Варе пустынной и какой-то, уж очень тихой. Безумно хотелось спать, или хотя бы присесть – девушка была на ногах почти двое суток. Но вдруг какое-то смутное беспокойство овладело ею. Она прибавила шаг.

Варвара шла, потом почти бежала. Улица казалась вымершей. Даже дома как будто съжились, пытаясь спрятаться за кустами сирени. Смутное чувство страха заставляло ее двигаться все быстрее. Воздух, густой и плотный, как вата, был заполнен какой-то неестественной тишиной, которая окутывала все тело, вползала в глаза, в уши, даже в кончики ногтей.

Улица сделала плавный поворот и Варвара увидела свой дом, до которого оставалось еще метров пятьдесят. Во дворе мать снимала с веревки белье, видимо выстиранное утром и уже успевшее высохнуть под жарким июльским солнцем, а рядом в самодельной песочнице копался Митька, высоко подбрасывая песок лопаткой. Варвара могла уже даже разглядеть золотой дождь песчинок, разлетающихся в разные стороны. При виде матери и такой знакомой, домашней картины у Вари немного отлегло от сердца, и она невольно замедлила свои шаги. А потом скорее почувствовала, чем услышала, жужжание шмеля, только оно было какое-то тяжелое, металлическое – Варя отметила это каким-то краем сознания. И потом нарастающий вой, сопровождаемый тонким, вибрирующим свистом. Черная точка над головой. Дальше все как в замедленной киносъемке. Варины глаза зафиксировали каждый отдельный кадр, а сознание отказывалось воспринимать происходящее. Черная точка как-то очень быстро увеличилась, стала похожа сначала на черную птицу, потом на огромную рыбу со зловещим хвостом. А потом ужасный грохот и огненный гриб на том самом месте, где мать снимала белье, а Митька устраивал песочный дождь. А потом «грибы» стали вырастать то тут, то там, но грохота уже не было, или Варя его просто не слышала, она просто стояла и смотрела, не в силах сдвинуться с места. Время остановилось, секунды превратились в часы, или часы в секунды. Варя слышала, или, скорее, чувствовала только удары своего сердца, мерно и гулко отдававшиеся в груди, нараставшие и готовые, заполнив весь ее организм своим стуком, вырваться наружу и взлететь куда-то высоко, туда, откуда продолжали опускаться черные птицы.

Вдруг боковым зрением Варвара заметила тень, метнувшуюся в ее направлении, почувствовала резкий толчок, а потом резкую боль в спине, ободранной о штукатурку дома, к которому она отлетела, потом тяжесть навалившегося на нее тела. В уши немедленно ворвался скрежет, грохот, свист, вой, крик, а затрепетавшие ноздри наполнились запахом дыма, гари, и еще чего-то, напоминавшего смрад подгоревшего на сковородке мяса.

И тут тело Вари ожило и, движимое инстинктом, забилося, затрепыхалось, порываясь вскочить и бежать домой... домой... домой... А в сознании жила только одна мысль: «Мама...

Митька... мама... мама... мама... Митька! МИТЬКАа-а-а...». Но тяжесть придавившего ее тела не давала ей встать. Варя брыкалась, толкалась, попробовала пустить в дело ногти, но ее руки оказались прижатыми к земле по обе стороны ее головы. И тогда она открыла глаза и встретила с серым взглядом, отливающим сталью – тот самый военный, привлечший ее внимание на площади. Но узнавание не только не остановило ее порыв, а, казалось, только придало ей сил. Она еще раз неистово рванулась, пытаясь освободиться, и тут на ее лицо обрушилась пощечина, одна, другая, резкая боль заставила ее на мгновение замереть. Этого оказалось достаточно, чтобы услышать то, что кричал военный. «Дура, малолетняя идиотка! Тебе что, жить надоело?!». И тут мысль, сверлившая мозг, впивающаяся в него ржавым гвоздем, вдруг обрела звучание, и вылетела из Вариного горла: «Мама-а-а...». Сила, придавившая ее к земле и удерживающая на месте, не исчезла. И вот тогда брызнули слезы, стекающие по подбородку и оставляющие прозрачные дорожки на запачканных, пропитавшихся дымом и копотью Вариных щеках, а тело ее забилося в конвульсиях.

– Пустите, слышите, пустите меня. Там мама. Там моя мама. И Митька, слышите вы, Митька, ему же только три года, три года. Вы слышите, ему три года. Мама-а-а!

И вдруг все стихло. Стихло так же внезапно, как и началось. На мгновение возникло ощущение ночного кошмара, прервавшегося внезапным пробуждением. Варя почувствовала, что тяжесть, накрывавшая ее тело, исчезла, и она свободна. Вот только встать сил не было. Не было уже сил и на то, чтобы кричать, вообще ни на что. Хотелось лежать всегда и, главное, не думать ни о чем – сил не было даже на то, чтобы думать. Но грубая мужская ладонь обхватила ее локоть и рывком подняла Варю на ноги. Девушка пошатнулась, обвела взглядом улицу вокруг себя – из-за клубившегося дыма и не осевшей еще пыли почти ничего не было видно – и вдруг бросилась бежать. Ноги плохо слушались ее, глаза слезились из-за разъедающего их дыма, но она бежала. Бежала домой.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Варя достигла знакомой калитки. Вот только калитки не было. И дома не было. Вернее, почти не было. Варин взгляд уперся в две оставшиеся стены с выбитыми окнами и раскачивающейся дверью. Дверью в ее комнату. Однако и комнаты уже не было, лишь обуглившаяся груда вещей, когда-то бывших ее вещами. И только сиреневый куст тихо шелестел запыленными листьями, как бы выражая скорбь и сожаление о доме, возле которого вырос и который считал своим старшим братом, надежным и незыблемым, и о людях, живших в этом доме. Людях! Варя перевела взгляд на то место, где раньше был двор, и где всего несколько минут назад, или несколько часов? или несколько дней? мать снимала белье. На этом месте была теперь глубокая воронка, на дне которой что-то белело. Сорочка, Варина сорочка, которую она позавчера бросила в корзину для грязного белья – какая-то неестественно-белая на фоне земли. А слева, у крыльца, нет, теперь уже у бывшего крыльца, виднелась сломанная пополам лопатка, которая еще совсем недавно была орудием для создания песочного дождя.

Девушка упала на колени, из ее горла вырвался то ли всхлип, то ли вздох. Потом легла на землю, пахнущую дымом. Слез больше не было, и воздуха не было, и жизни тоже больше не было. Только воронка с белой сорочкой на дне, и две стены с качающейся дверью, и лопатка, которая никогда больше не будет рождать песочный дождь, и жуткий, жуткий, жуткий запах дыма.

Но спустя некоторое время появилось что-то еще. Это было ощущение чьего-то присутствия за спиной. Причем ощущение было каким-то, надежным что ли. Потом сильные руки на плечах, поднявшие ее с земли и прочно удерживающие в вертикальном положении, на миг отпустившие ее, а затем вернувшиеся и накрывшие ее плащ-палаткой, сохранявшей запах мужского пота и табака. Только сейчас Варвара поняла, что платье ее истерзано так же, как и она сама, и в прорехи выглядывает нижнее белье. Но теперь плащ скрывал ее тело, и это давало ощущение защищенности – от озноба, сотрясавшего ее тело, и от внешнего мира с его ужа-

сами, и даже от преследовавшего ее запах гари. Варя развернулась и уткнулась носом в крепкое мужское плечо. Она не знала, сколько они так простояли, но, почувствовав на подбородке шершавые мужские пальцы, подняла глаза. И снова стальной взгляд, в котором теперь было что-то еще, какие-то теплые нотки. Глядя ей прямо в глаза и не давая отвести взгляда, мужчина начал говорить, и в его голосе был тот же металл, что и в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.